

Глава 1743: Я Угощаю

Нин Шу немного удивилась. Бай Ицяо действительно захотела за неё заплатить и угостить её. Неужели солнце сегодня взошло на западе?

Нин Шу отказалась.

- Да ладно. Я заплачу за себя сама.

Нин Шу положила деньги на стойку.

Бай Ицяо увидела медные монеты на стойке и на её лице промелькнуло презрение. Она сгребла монеты, взяла Нин Шу за руку и вложила монеты в её руку.

- Я же сказала, что угощаю, значит, я угощаю. Не будь такой вежливой. Я знаю владельца этого ресторана.

Нин Шу: ...

Ах, так она просто пытается выпендриться и обыграть её, словно дурочку. Бай Ицяо явно была владелицей ресторана.

Нин Шу убрала деньги, сложила блюда в свою корзинку и сказала Бай Ицяо:

- Тогда спасибо тебе.

- Не нужно.

Лицо Бай Ицяо сияло от удовольствия. Это ощущение снисходительной милостыни было очень приятным.

Бай Ицяо почувствовала, что унижение от того, что в её прошлой жизни Чэнь Эрмэй бросила ей медные монеты в миску, было смыто.

Нин Шу внезапно спросила:

- А ты одна пришла в город? Как так вышло, что Фан Юн с тобой не пришёл?

Выражение лица Бай Ицяо тут же стало настороженным. Наполовину бдительно, наполовину хвастаясь, она ответила:

- Братец Фан Юн видел в горах белого тигра и планирует выследить его и убить.

Белого тигра?

Шкура тигра и кости не только принесут деньги, но ещё и позволят Фан Юну усилить его статус. Если его сослуживцы узнают, что он убил тигра, то Фан Юн станет ещё более впечатляющим.

Когда Фан Юн добьётся ошеломительного успеха, это станет очередной легендой о нём.

Нин Шу взяла свою еду и ушла. Бай Ицяо обеспокоенно посмотрела на удаляющуюся спину Нин Шу. Даже если Чэнь Эрмэй лишь небрежно упомянула Фан Юна, Бай Ицяо подумала, что тут что-то не так.

Бай Ицяо сказала официанту:

- Я пойду. Передай Вэнь Юю.

Сын городского торговца, Вэнь Юй, и Бай Ицяо были деловыми партнёрами, открывшими ресторан.

Бай Ицяо больше не хотела оставаться в городе. Вдруг Чэнь Эрмэй украдёт её мужа в деревне пока её нет?

Нин Шу вышла из города и направилась к тому месту, где была припаркована телега с волами. Чэнь Ли тоже пришёл, неся мешок с зерном.

Нин Шу едва только села в телегу, как Бай Ицяо поспешно прибежала и тоже заскочила на телегу, тяжело дыша.

Телега с волами неспешно поехала в деревню.

Бай Ицяо глянула на Нин Шу и спросила словно ненароком:

- Чэнь Эрмэй, тебе же уже пятнадцать, да? Твоя семья уже назначила тебе замужество?

Нин Шу ничего не сказала, но на вопрос ответил Чэнь Ли:

- Отец сказал подождать, пока Эрмэй исполнится шестнадцать.

Бай Ицяо снова спросила:

- А какого бы тебе хотелось будущего мужа, Чэнь Эрмэй?

Нин Шу подумала о том, чтобы спровоцировать Бай Ицяо и сказать, что ей хочется кого-то вроде Фан Юна, но потом решила, что одержать преимущество в разговоре — это не будет по-настоящему считаться победой. К тому же, она лишь позволит распускать слухи, которые испортят её репутацию.

В этой эпохе, репутация была важнее жизни. Невинность была оковами, которые доводили людей до смерти и могла даже отбросить тень на всю семью. Даже ближайшие родственники не могли вынести людей с испорченной репутацией, не говоря уже об остальных людях.

Трудно быть женщиной.

По правде говоря, нет ничего плохого в том, чтобы этот мир был уничтожен.

Нин Шу ответила:

- Как родители скажут и с кем сваха познакомит.

Бай Ицяо кивнула и больше ничего не говорила. Повернув голову, она стала смотреть на дорожный пейзаж.

Нин Шу вернулась домой, взяла купленные травы и медленно перемолола их в порошок. В древние времена не было специальной машины для перемалывания в порошок, поэтому её порошок был немного зернистым.

Если её план не сработает, тогда она силой накормит Ли Гоуцзы этим средством.

Отправилась к Дому Ли Гоуцзы

Вечером, оставшись без денег, Ли Гоуцзы, наконец, вернулся домой. Он пришёл весь в ранах. Стало ясно, что когда у него не оказалось денег, чтобы заплатить публичному дому, его побили.

Но, даже после того, как его побили — его заставили оставить отпечаток руки на расписке ростовщика. А иначе он не смог бы выйти из публичного дома. Время для оплаты тоже было оговорено. Если он не заплатит деньги, то ему отрежут руки и ноги.

На душе у Ли Гоуцзы была горечь. У него же явно были деньги, но кошелёк с деньгами пропал. Какой ничтожный ублюдок, украл его деньги? Вот ведь сволочь!

Ли Гоуцзы, который был изрядно побит, вернулся домой и лёг на постель. Всё это время он стонал от боли.

Посреди ночи Нин Шу взяла готовый порошок и отправилась к дому Ли Гоуцзы. Она увидела, что Ли Гоуцзы спит, словно мёртвая свинья.

В доме даже не было масляной лампы. Нин Шу зачерпнула немного воды в резервуаре возле плиты, высыпала порошок в чашу, а потом подождала, пока крупные частицы препарата осядут, после чего перелила смесь в другую чашу.

Нин Шу осторожно отнесла чашу в комнату и поставила её у кровати. Затем она вышла из комнаты и стала наблюдать за Ли Гоуцзы снаружи дома через окно.

Опасаясь, что Ли Гоуцзы не выпьет эту воду, Нин Шу достала порошок и подожгла его. Порошок из трав был немного сырым и стал излучать густой дым.

Нин Шу прикрыла свой нос платком и стала загонять дым в дом. Она подождала пока смога не будет достаточно, после чего поспешно потушила порошок.

Ночью любые искры выглядят очень подозрительно. И хотя все крепко спят, нет никакой гарантии, что кто-то не встанет и не увидит Нин Шу.

Живя в такие времена нужно быть крайне бдительным.

Нин Шу стала ждать снаружи. Ли Гоуцзы начал метаться по постели и, наконец, проснувшись, сел.

Ли Гоуцзы почувствовал сухость во рту, поэтому он встал, чтобы напиться. Он смутно разглядел чашу у изголовья постели, поэтому взял её, сделал глоток, а потом залпом выпил всё.

Выпив, Ли Гоуцзы снова лёг, чтобы продолжить спать.

Но теперь он почувствовал, что не может уснуть. Ли Гоуцзы стало жарко и он вспотел. Поэтому он встал, чтобы выйти из дома и подышать свежим воздухом.

Ли Гоуцзы тяжело вздохнул. Он был должен ростовщику и, если у него не будет денег заплатить, ему отрежут руки и ноги.

Ли Гоуцзы боялся смерти, и отрезание рук и ног было очень болезненным. Ли Гоуцзы был из тех, кто полдня будет выть от боли даже из-за простого бумажного пореза.

Ли Гоуцзы вытер пот и решил сходить к Бай Ицяо. Он ей помог, и в прошлый раз она ему даже заплатила. Она должна и в этот раз помочь ему.

Ли Гоуцзы воспользовался преимуществом темноты и пошёл к дому Фан Юна.

Нин Шу последовала за Ли Гоуцзы. Она увидела, как Ли Гоуцзы пришёл к дому Фан Юна и трижды пролаял.

Бай Ицяо, которая услышала лай собаки, проснулась и замерла на мгновение с озадаченным выражением на лице. Затем она услышала ещё три собачьих лая и осторожно села на постели.

Фан Юн всегда спал чутко, и даже лёгкие движения Бай Ицяо всё равно разбудили Фан Юна.

- Что случилось? - спросил Фан Юн у Бай Ицяо.

Бай Ицяо прошептала:

- Ничего. У меня просто живот немного скрутило. Я схожу в туалет. А ты можешь дальше спать.

Фан Юн спросил:

- Тебя проводить до туалета?

- Не нужно.

Бай Ицяо вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и вышла во двор, оглядываясь по сторонам.

- Сестрица Бай.

Ли Гоуцзы внезапно появился, шокировав Бай Ицяо. Она понизила голос и сказала:

- Ты чего творишь?

- Сестрица Бай, ты должна мне помочь. В прошлый раз я ведь помог тебе разобраться с Чэнь Эрмэй, - сказал Ли Гоуцзы, упрашивая Бай Ицяо.

- И у тебя ещё хватает смелости говорить это? Ты же совсем не обесчестил Чэнь Эрмэй. Да ещё и крепко уснул в доме. После этого ты ещё смеешь упоминать об этом? Да ты меня чуть не убил.

Бай Ицяо была в ярости.

К счастью она теперь была женой Фан Юна. Если бы это был тот скользкий сын из большой семьи из прошлой жизни, то её уже могли запереть в свиной клетке по приказу властной свекрови, или вообще стерилизовать.

Вся та ситуация была пятном на её репутации. Она не знала, действительно ли Фан Юну всё равно на произошедшее. Бай Ицяо боялась, что в сердце Фан Юна осталась тикающая бомба, которая в любой момент может взорваться.

<http://tl.rulate.ru/book/11249/1541569>